

Политико-правовые основы коллективизации сельского хозяйства в Казахстане в 20-х-30-х годах XX столетия

Алима Ауанасова
ГНС ИИГ КН МОН РК,
доктор исторических наук, профессор

Революционный радикализм и марксистско-ленинская идеология породили особую систему представлений и ценностей, которые нашли воплощение в советской политико-правовой базе коллективизации сельского хозяйства. Эти основы политики коллективизации нашли свое воплощение в решениях и резолюциях съездов ВКП(б), многочисленных директивных письмах, постановлениях партийно-советского аппарата, сводках, секретных донесениях ОГПУ. Вышеперечисленный пласт источников раскрывает основы не только проводимой политики, но и дает представление об изолированных формах репрессий в отношении крестьянства, приведших к массовому вымиранию во время голода. Излишним будет говорить, какими средствами проводились коллективизация и конфискация. Большевики не утруждали себя изобретательностью. Они использовали хорошо отработанные приемы еще со времен продрозверстковых кампаний 1918 года. Тем более партийное руководство постоянно их поощряло и снабжало особыми полномочиями, инструкциями, подкрепленными в постановлениях и резолюциях съездов и конференций.

27 августа 1928 года выходит постановление ЦИК и СНК КАССР «О конфискации байских хозяйств», в котором подчеркивалось: «В Казахской республике, имеющей в своем составе культурно-отсталые национальности, проводимыми до настоящего времени мероприятиями еще не изменены в надлежащей степени старые дореволюционные отношения» [1]. «В целях освобождения бедняцких слоев населения от экономической зависимости и эксплуатации со стороны этих лиц, а равно в целях создания необходимых условий для скорейшего экономического подъема и культурного развития трудящихся, ЦИК и СНК Казахской АССР постановляют:

1. Провести в Казахской АССР, за исключением Адаевского округа и хлопководческих районов бывшей Джетысуйской и Сыр-Дарьинской губернии и Кара-Калпакской автономной области выселение тех наиболее крупных скотоводов из коренного населения, которые, сохраняя полуфеодалные, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула» [2].

Для этой цели 30 августа 1928 года СНК КАССР принимает постановление «Об определении районов вселения лиц, подлежащих выселению, согласно постановления КЦИК и КСНК от 27 августа 1928 года», в котором указывались округа высылки крестьян на территории Казахстана. Так, если крестьяне Джетысуйского и Сыр-Дарьинского округов должны были выселяться в Уральский округ, то из Уральского округа крестьяне направлялись в Джетысуйский. Из Гурьевского округа соответственно в Петропавловский, из Каркаралинского округа – в Кустанайский, из Семипалатинского округа – в Сыр-Дарьинский, из Павлодарского и Петропавловского округов – в Актюбинский, из Кызыл-Ординского округа – в Адаевский, из Акмолинского округа – в Гурьевский, из Актюбинского округа – в Каркаралинский, из Кустанайского округа – в Семипалатинский [3].

В этот же день 30 августа 1928 года СНК КАССР принимает постановление «Об установлении кочевых, полукочевых и оседлых районов Казахстана», которое дает возможность властным структурам поделить всю территорию республики «на районы по типам хозяйств», найдя этому «научное» «естественно-историческое» объяснение по «культурно-бытовым и экономическим признакам». Такой подход позволял не только

рассматривать Казахстан с точки зрения «экономической целесообразности», но и выявлял наиболее «значимые» районы для будущей коллективизации [3, лл. 113-114].

На местах для проведения коллективизации и конфискации создавались аульные комиссии, которые избирались на общих собраниях бедноты и батраков. В их задачу входило содействие организации учета и охраны конфискованного скота и имущества, наблюдение за правильностью распределения между бедняками, содействие районным и окружным комиссиям в борьбе с попытками противодействия со стороны баев-полуфеодалов, также разъяснение низовым массам аула постановлений и инструкций по конфискации и содействию проведения их в жизнь [4].

Переломным моментом в аграрной политике большевиков стал *апрельский пленум ЦК ВКП(б) 1929 года*, на котором победила сталинская концепция коллективизации. Сам вождь и его сторонники считали, что все трудности, связанные с образованием колхозов и хлебозаготовок, вытекают из крестьянского сопротивления [5]. 22 апреля 1929 года, подытоживая работу пленума, И.В. Сталин вынес вердикт сельскому хозяйству: «Мы начинаем перевооружать сельское хозяйство, для этого надо расширить строительство колхозов..., признать допустимость ...чрезвычайных мер, ...сломить сопротивление кулачества. ...Ключом реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии» [5, с. 79]. Антикрестьянский настрой вождя и его сторонников имел самые негативные последствия, главным из которых стало продолжение варварской коллективизации деревни с помощью политики раскулачивания.

Только в одном Казахстане бюро Казкрайкома ВКП(б) к ноябрю 1929 года рапортовало, что в республике в 5144 колхозах было коллективизировано 92 тыс. хозяйств, или 7,4% их общей численности. В одном из выступлений Ф.И. Голощекин сказал: «Я встречался с таким мнением, что у нас колхозное движение пойдет медленнее, чем в других районах СССР. Я считаю такое мнение неверным» [6]. И. Курамысов пошел еще дальше, заявив: «Несмотря на то, что Казахстан является отсталым районом, темп коллективизации на сегодняшний день громадный, мы многие передовые области Союза в этом отношении обгоняем» [7]. «Колхозное творчество масс» приобретало необузданный характер. На вторую половину 1929 года численность уже созданных в Казахстане колхозов в два с лишним раза перекрывала весь пятилетний план Урала, приближалась к половине заданий, установленных Колхозцентром для Северного Кавказа.

Уже 7 ноября 1929 года статья И.В. Сталина «*Год великого перелома*» подводила итоги преобразований сельского хозяйства. В ней писалось, что крестьяне массами покидают знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизации. Эта статья стала основополагающим документом для последующих партийно-советских решений колхозного строительства в Казахстане.

В начале декабря 1929 года специальная комиссия во главе с наркомом земледелия СССР Я.А. Яковлевым придает колхозному движению директивно-плановый характер. Комиссии вменялась задача выработки и представления на рассмотрение в Политбюро документов и предложений по ряду вопросов коллективизации, которые, в конечном итоге, предполагалось санкционировать в качестве резолюций. Такое решение «позволяло пересмотреть темпы, установленные плановыми органами ...и наметить более короткие сроки коллективизации по основным хлебным районам». По итогам работы комиссии в начале января 1930 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «*О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству*».

Начиная с этого времени, Казахстан становится одним из главных плацдармов кампании, где коллективизацию предполагалось закончить к 1932 году (за исключением кочевых и полукочевых районов).

Наряду с земельными хозяйствами коллективизации подверглись и животноводческие хозяйства. В резолюции V пленума Крайкома ВКП(б) в декабре 1929 года отмечалось, что необходимо «всемерно ...стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству». Уже в

апреле 1929 года VII съезд Советов Казахстана повсеместно закрепляет свое решение по переходу кочевого населения к оседанию. В отчете Наркомзема КазАССР за 1932 год отмечалось: «посевная текущего года доказала, что кочевники, даже в районах чисто кочевых, могут возделывать культуры, ранее совершенно им неизвестные (хлопок, корнеплоды, кукуруза, масличные культуры и т.д.)».

Ничем не обоснованная авантюристическая кампания, действовавшая в интересах административно-командной системы, добивалась тотального обобществления средств производства, уничтожения традиционных структур и ликвидации частной собственности. Избирательный подход в выборе земель пригодных для зерноводческого производства, в целом нанес сокрушительный удар по кочевому и полукочевому хозяйству номадов.

Таким образом, принятые партийно-советскими органами постановления, резолюции и их реализация в Казахстане насильно загоняли крестьян, кочевников в колхозы, обобществляя средства производства, лишая в дальнейшем крестьян и кочевников средств существования. Страна катилась к катастрофе, приближая трагедию голода.

После выхода в начале *марта 1930 года статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов»* Политбюро принимает резолюцию *«О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»*, где в очередной раз дезавуалировав свои прежние установки, предлагает прекратить «лить воду на мельницу контрреволюционеров» и вернуть мелкую частную собственность, «если это требуют сами колхозники». Документ от 10 марта 1930 года направлялся на места под грифом «секретно».

«Темпы» коллективизации после полученной секретной директивы, с легкой руки Сталина, в Казахстане не только не снизились, но и повысились. На 1 апреля 1930 года в республике было коллективизировано 649,4 тыс. крестьянских хозяйств, или 52% от общего числа хозяйств [10]. Партийно-советские работники всеми средствами препятствовали выходу крестьян из колхозов, не разрешали возвращать крестьянам обобщественную мелкую собственность. Масштабы разгула были таковы, что Казкрайком ВКП(б) направил телеграмму И.В. Сталину с просьбой разрешить ***задействовать в карательных операциях регулярные армейские части.*** В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 года констатировалось, что в Казахстане, наряду с другими республиками, идет «опасное обострение политической обстановки в деревне» и это подвергает угрозе срыва темпов коллективизации.

Письмо на некоторое время остудило пыл местных «коллективизаторов». Началось отступление от колхозного движения, как со стороны коллективизаторов, так и крестьян. В процентном соотношении коллективизированные хозяйства сократились вдвое. Из колхозов вышло около 300 000 крестьянских хозяйств. В результате количество колхозов ко 2 апреля сократилось с 7 019 до 5 701 [8].

Такие «неутешительные» показатели темпов роста коллективизации стимулировали инициаторов коллективизации к поиску «вредителей и саботажников». Вскоре они были найдены, им оказался зажиточный слой деревни. Об этом официальная цензура сообщила *30 января 1930 года ЦК ВКП(б) в очередном постановлении «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»*. После того как «враг был найден», в последовавших за этим директивах к низовому аппарату подчеркивалось, что проводимые репрессивные меры в отношении зажиточного крестьянства должны быть теснейшим образом увязаны с задачами коллективизации.

Республике в законодательном порядке с 1 февраля 1930 года ЦИК СНК СССР постановлением *«О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам автономных республик права на выселение кулаков из пределов сплошной коллективизации сельского хозяйства»*, предоставлялись права на выселение крестьян из сельской местности. Постановление определяло статус и место выселения депортированных крестьян: трудопоселенцев, спецпереселенцев и спецпоселенцев.

В немалой степени углублению кризиса сельского хозяйства способствовало принятое 30 июля 1931 года постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О развертывании социалистического животноводства», которое предусматривало создание животноводческих ферм в колхозах. Этим постановлением, в частности, предлагалось передавать для колхозных ферм скот из числа, поступившего по мясозаготовкам. Предполагалось организовать покупку у колхозников молодняка для общественного животноводства коллективных хозяйств. На практике это привело к тому, что скот стал обобществляться в принудительном порядке, что привело к его массовому убою и распродаже. Обобществлённый скот из-за отсутствия корма и приспособленных помещений погибал. К февралю 1932 года в Казахстане 87% хозяйств колхозников и 51,8% хозяйств единоличников полностью лишились своего скота [9].

Декретом от 23 сентября 1932 года «О мясозаготовках» с начала следующего месяца началось вручение колхозам, колхозным дворам и единоличным хозяйствам, «имеющим силу налога», обязательств по поставкам (сдаче) мяса государству. Таким образом, к концу 1920-х годов идея экспроприации крупных скотоводческих хозяйств признается актуальной.

Экспроприация собственности проводилась отработанными карательными средствами, четко прописанными в советском уголовном кодексе, законах, партийных инструкциях. В них ставилась задача: «усиление репрессии против ...врагов Соввласти и ...проведение этой репрессии ...в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых... процессов ...в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии». Такая позиция в целом определяла стратегию регулирования правоотношений между крестьянством и властью. Уголовный кодекс повышал предел наказания крестьянству лишением свободы до 10 лет. Более подробно и «обстоятельно» это прозвучало 7 августа 1932 года в законе «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и общественной (социалистической) собственности», где четко были прописаны меры наказания крестьянства «за утайку» от государственных органов хлеба и скота.

Юридическая сторона любого законодательного акта мало интересовала И. Сталина. Его не смущал, например, тот факт, что термин «концлагерь» был давно исключен из советского уголовного права и заменен термином «исправительно-трудовой лагерь». В законе был важен, прежде всего, политический смысл, на который должны были опираться его исполнители. Повсеместное вмешательство партийного руководства всех уровней в законодательную практику, определялось самим характером советского государства [10].

За годы коллективизации огромное число крестьян было подвергнуто террору, репрессиям без доказательства вины. Действовавшее в СССР законодательство недопустимым образом корректировалось в сторону ужесточения репрессий секретными приказами и ведомственными инструкциями, негласными распоряжениями «директивных органов», устными указаниями партийного руководства. Все эти «юридические новеллы» привели к голоду, свертыванию хозяйственной деятельности, вызвали массовые откочевки, породили хаос в структуре организации производства.

Литература

1. В братском единстве народов СССР. – Алма-Ата, 1972. – С. 276-278.; История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 4. – Алматы: Атамұра, 2009. – С. 250.; История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерки. – Алматы: «Дәуір», 1993. – С. 304.
2. Новейшая история Казахстана: Сб. документов и материалов (1917-1939). – Алматы, 1998. – Т. 1. – С. 304.
3. Центр документации новейшей истории ВКО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 523. Л. 112.

4. Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства... - С. 133.
5. Голод в СССР. 1929-1934: В 3 т. Т. 1: 1929 – июль 1932: В 2 кн. Кн. 1. Отв. составитель В.В. Кондрашин. – М.: МФД, 2011. – С. 74.
6. Советская степь. – 1929. – 6 декабря.
7. Советская степь. – 1929. – 23 декабря.
8. ЦГА РК Ф. 44. Оп. 11. Д. 119. Л. 139
9. VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). – Алма-Ата, 1936. – С. 147
10. URL: www.e-reading.org.ua/bookreader.php/.../Istoriya_GULAGa.html.